ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 55 (4180) | Вторник, 10 мая 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

ГЕРОИЧЕСКОМУ ВРЕМЕНИ — ГЕРОИЧЕСКОЕ СЛОВО

ЕСТЬ У Михаила Луконина стихотворение о том, как в дни Сталинградской битвы шел бой в здании городского театра:

К суфлерской будке
старшина
Припал
И бил во тьму,
И
история сама
Суфлировала ему.
Огнем поддерживая нас,
В боку зажимая боль,
Он без позы и без прикрас
Сыграл
великую
роль.

Окончилась война. Проходя мимо отстроенного заново театра и вспоминая дни боев, поэт размышляет о высоком призвании нашего искусства:

Я шел
и шел,
и думал о тех,
Кому на сцене жить,
Какую правду
и в слезы,
и в смех
Должны они вложить!
Какие волнения им нужны,
Какие нужны слова,
Чтоб после подвига старшины
Искусству
вернуть
права!

Мы вспомнили это стихотворение не только потому, что вчера исполнилось пятнадцать лет со Дня Победы и сейчас особенно свежа память о военном подвиге нашего народа. Мы вспомнили его прежде всего потому, что сейчас, как никогда, героическое время требует героического слова.

В самом деле, какие нужны слова, чтобы воспеть великие свершения нашей эпохи, героический подвиг советского народа, строящего коммунизм! Какие нужны слова, чтобы рассказать о людях, завоевавших космос и поднявших целину, строящих сотни тысяч новых жилых домов, не жалеющих труда для того, чтобы в стране было изобилие молока, мяса и других продуктов питания! Какие нужны слова, чтобы рассказать о Валентине Гагановой, о четырех молодых солдатах, оказавшихся победителями в смертельной схватке с разбушевавшейся стихией! Какие нужны слова, чтобы рассказать о тех, кто неусыпно стоит на вахте мира, о тех, кто все силы свои отдает благородному делу спасения человечества от трагедии новой войны!

И разве не к нашим дням, не к сегодняшней нашей литературе обращены слова великого Горького, сказанные им на собрании комсомольцев:

«Перед новыми талантами встает задача: отобразить в литературе героя — чудесного, небывалого даже в сказке, героя, который хочет перестроить мир...

Перед вами стоит задача — показать первого героя, собрав в одном человеке все достоинства большого коллектива. Это будет великой силы тип, посильнее, пожалуй, чем создавал когда-то и Шекспир».

Это было сказано свыше тридцати лет тому назад. А сколько великого совершил наш народ за это время! Какими свершениями всемирно-исторического масштаба отмечены последние годы жизни Советской страны! Как возмужал и вырос советский человек!

Горький отдавал себе отчет в том, что рассказать о новом человеке, человеке коммунистического будущего сможет только мастер, только тот, кто в совершенстве владеет искусством художественного отражения действительности. Ведь для того, чтобы изобразить человека-великана, создать тип шекспировской силы, писатель должен философски осмыслить материал действительности, художественно обобщить весь опыт эпохи и воплотить его в чеканных, совершенных формах, — он должен во всем стать вровень с веком. Ведь показать героя — это не значит сообщить читателю перечень фактов его биографии. Это не значит даже достоверно рассказать о его делах и подвигах. Показать героя — это значит раскрыть внутренние мотивы его поступков, его гуманизм, его пламенную веру в торжество великих идей коммунизма. Глубокого смысла исполнены слова Н. С. Хрущева, сказанные им на митинге в станице Вешенской:

«Для советской литературы важно не только запечатлеть дела и подвиги людей, но и показать идейные истоки героизма, рождающегося в борьбе за победу коммунизма».

В ПОСЛЕДНЕЕ время наша литература все активнее вторгается в самую гущу современности. Еще больше укрепилась связь писателей с трудовой жизнью народа. Советские литераторы день ото дня яснее и глубже осознают меру своей ответственности перед временем, перед Коммунистической партией, перед народом. С высоким званием писателя в нашей стране прочно связано представление о человеке, всегда находящемся на переднем крае нашей борьбы. Так было в годы первых пятилеток. Так было в суровые годы Отечественной войны. И сейчас наших писателей можно видеть на строительстве Братской ГЭС и Каракумского канала, у летчиков-испытателей и колхозников, в геологических экспедициях и в цехах заводов. Весь почерпнутый литераторами запас впечатлений, остро подмеченные ими черты нового, глубокое постижение ими современных конфликтов находят и, без сомнения, будут находить отражение в книгах наших писателей.

Однако литература все еще не удовлетворяет возросшие духовные запросы нашего современника. Она не всегда соответствует уровню его этической и эстетической требовательности.

Все это так, и все это не может не вызывать и вызывает у наших писателей чувство беспокойства и неудовлетворенности — чувство, без которого немыслимо подлинное творчество, движение вперед. Спору нет, те высокие требования, которые наш читатель предъявляет сегодня к литературе, справедливы. Но, когда на этом основании некоторые оригиналы беспабашно и безапелляционно заявляют, что в наш век — век атома, спутников и кибернетики — искусству приходит конец, следует самым решительным образом возразить им.

Можно ли говорить об отмирании искусства в эпоху, когда в расцвете творческих сил находятся такие художники, как Шолохов и Леонов, Твардовский и Шостакович, Сарьян и Уланова? А разве не стали духовными спутниками поколений героев Николая Островского и Александра Фадеева, Дмитрия Фурманова и Аркадия Гайдара, Бориса Полевого и Николая Погодина? И разве не повторяем мы и в радости, и в горе любимые строки Маяковского и Багрицкого, Тихонова и Луговского, Асеева и Светлова?!

Можно ли говорить об отмирании искусства сегодня, когда на свежем газетном листе мы вновь прочли последние главы «Поднятой целины» Михаила Шолохова и поэмы «За далью — даль» Александра Твардовского — произведений, которые войдут в золотой фонд советской литературы! Разве Давыдов и Нагульнов не заняли в сознании народа такое же место, как Рахметов и Павел Власов, как Чапаев и Павел Корчагин?! И разве не встанут рядом с крылатыми словами Маяковского из поэмы «Хорошо!» строки о Родине из заключительных глав поэмы «За далью — даль»:

Она не просто сотня станций,
Что в строчку тянутся на ней,
Она отсюда и в пространстве,
И в нашем времени видней.
На ней огнем горят отметки,
Что поколенью моему
Светили с первой пятилетки,
Учили сердцу и уму...
Все дни и дали в грудь вбирая,
Страна родная, полон я
Тем, что от края и до края
Ты вся — моя, моя, моя!

Можно ли говорить об отмирании искусства в то время, когда наша страна ведет развернутое строительство коммунизма! Ведь коммунизм — это не только изобилие материальных благ. Это расцвет человеческой личности, это несметные духовные богатства. Это и воспитание человека будущего. Воспитание нового коммунистической морали — душевной щедрости и окрыленности, самоотверженности и принципиальности. Это и эстетическое воспитание.

Здесь роль литературы огромна. Она призвана формировать духовный облик сегодняшних и грядущих поколений. Недаром Н. С. Хрущев назвал советских писателей верными помощниками партии.

Разумеется, наши писатели смогут выполнить эту роль лишь в том случае, если будут рассматривать как свою первостепенную задачу, наряду с повышением идейного уровня произведений, повышение художественного мастерства. Высокая требовательность к себе, неустанная жажда оттачивать свое писательское зрение, постоянная готовность «изводить, единого слова ради, тысячи тонн словесной руды», — без этих качеств нет и не может быть настоящего литератора. И тут опять нельзя не вспомнить великого родоначальника советской литературы. Будучи уже всемирно известным писателем, Алексей Максимович говорил: «Я вот пишу скоро 40 лет, а не могу сказать, что умею писать так, как хотел бы, выучки-то все-таки не хватает. И немало среди литераторов есть людей, весьма много переживших, видевших и слышавших, — рассказывают они об этом — хорошо, а пишут — плохо.

Выучка, техника — великое дело...»

Этой жестокой, беспощадной требовательности, доходящей порчас даже до придирчивости, до несправедливости к себе, должен учиться у Горького каждый советский писатель. Нужно постоянно помнить этот горьковский завет: выучка, техника — великое дело.

Нельзя терпеть, когда дурные ремесленнические поделки выдаются за подлинное искусство, когда страстность и эмоциональность заменяются пошлой сентиментальностью, когда эпигонство прикрывается верностью традициям, а формалистическое штукарство прикидывается новаторством. Современность требует, чтобы героические деяния советского народа нашли достойное художественное воплощение, чтобы книги, создающиеся сегодня, оставались в веках не только как правовые документы эпохи, но и как бессмертные памятники искусства.

СЕГОДНЯ открывается объединенный пленум правлений Союза писателей РСФСР и Московского отделения Союза писателей РСФСР, в повестке дня которого стоит один, кардинальный для современного литературного процесса вопрос: «Писатель и время». В творческих спорах, в атмосфере принципиальной товарищеской критики, обсуждая произведения прозы последнего времени, участники пленума будут говорить о том, как еще лучше, еще сильнее и целеустремленнее выполнять важнейшую задачу стоящую перед нашей литературой сегодня. Суть этой задачи можно сформулировать кратко: героическое время требует героического слова.

Л. И. Брежнев, Н. С. Хрущев и К. Е. Ворошилов выходят из Большого Кремлевского дворца после заключительного заседания Пятой сессии Верховного Совета СССР. Фото В. Савостьянова и В. Соболева.

В РЕШЕНИЯХ СЕССИИ — ВОЛЯ НАРОДА

7 мая был последний день работы Пятой сессии Верховного Совета СССР.

Верховный Совет постановил: одобрить деятельность Совета Министров СССР как в области внутренней, так и в области внешней политики.

Огромный интерес у всего советского народа и общественности зарубежных стран вызвало заключительное слово товарища Н. С. Хрущева, которое транслировалось по радио и телевидению. Коснувшись внутрихозяйственных задач страны, в частности индустриализации строительства, Н. С. Хрущев затем подробно рассказал депутатам об американском самолете-разведчике, сбитом ракетой над территорией нашей страны, и о летчике-шпионе, захваченном советскими людьми. Н. С. Хрущев показал депутатам фотодокументы, изобличающие провокаторов. «Пока, — сказал в своем заключительном слове Н. С. Хрущев, — мы расцениваем этот агрессивный акт с американским самолетом, нарушителем нашей границы, как желание взвинчивать нервы, оживить дохлую крысу, оживить дохлую крысу. Пока это еще не подготовка к войне, к войне сегодняшнего дня. Но в этом провокационном и агрессивном акте заложена подготовка войны на будущее. Вот почему мы с такой решимостью разоблачаем подобные агрессивные действия».

Сессия приняла законы и постановления — об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих, об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами, о завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день и другие.

В конце заседания оглашается заявление тов. К. Е. Ворошилова с просьбой об освобождении его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР по состоянию здоровья.

Н. С. Хрущев тепло и сердечно поблагодарил Климента Ефремовича Ворошилова, как верного сына Коммунистической партии, много и хорошо поработавшего на благо рабочего класса, всех советских народов, для процветания великих идей нашей партии.

Товарищ Н. С. Хрущев внес проект постановления об удовлетворении просьбы товарища Ворошилова и одновременно предложил избрать К. Е. Ворошилова членом Президиума Верховного Совета СССР.

Затем Н. С. Хрущев от имени ЦК КПСС внес предложение присвоить товарищу К. Е. Ворошилову звание Героя Социалистического Труда. Депутаты и гости встретили это предложение бурными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Председателем Президиума Верховного Совета СССР единогласно избран тов. Брежнев Леонид Ильич.

Леонид Ильич Брежнев

Леонид Ильич Брежнев родился в 1906 году в городе Днепродзержинске, Украинской ССР, в семье рабочего-металлурга.

С 1921 года он начал свою трудовую деятельность. Работая на производстве, одновременно учился и в 1927 году окончил землеустроительно-мелиоративный техникум в городе Курске.

С 1927 по 1930 год Л. И. Брежнев работал на Урале землеустроителем, заведующим районным земельным отделом, заместителем председателя райисполкома, заместителем заведующего областным земельным управлением.

В 1931 году Л. И. Брежнев поступает учиться в Днепродзержинский металлургический институт. По окончании института он работает инженером на металлургическом заводе имени Дзержинского.

В мае 1937 года Л. И. Брежнева избирают заместителем председателя Днепродзержинского горисполкома. Затем он работает заведующим отделом Днепропетровского обкома партии, а в 1939 году избирается секретарем Днепропетровского обкома КП Украины, где и работает до начала Великой Отечественной войны.

В годы Великой Отечественной войны Л. И. Брежнев находился в действующей армии на руководящей политической работе: заместителем начальника политуправления Южного фронта, начальником политотдела армии, начальником политуправления 4-го Украинского фронта.

В 1946 году Л. И. Брежнев был избран первым секретарем Запорожского обкома КП Украины, в ноябре 1947 года — первым секретарем Днепропетровского обкома КП Украины, в июле 1950 года — первым секретарем ЦК КП Молдавии.

На XIX съезде КПСС Л. И. Брежнев избирается членом ЦК КПСС, на Пленуме ЦК КПСС — кандидатом в члены Президиума и секретарем ЦК КПСС.

С февраля 1954 года по март 1956 года работал вторым и первым секретарем ЦК КП Казахстана.

На XX съезде КПСС Л. И. Брежнев избирается членом ЦК КПСС, кандидатом в члены Президиума и секретарем ЦК КПСС; с июня 1957 года — член Президиума ЦК КПСС.

Л. И. Брежнев — депутат Верховного Совета СССР третьего, четвертого и пятого созывов.

ТАК ГОВОРЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ

МИТИНГ — дело эмоциональное. Надо выйти и выложить с ходу все, что на сердце. А это не так просто. Русский рабочий семь раз мерит — один раз режет.

На общезаводском митинге бригадир слесарей-сборщиков Ленинградского металлического завода Борисов был, как и все другие, немногословен. Говорил лишь то, в чем твердо уверен, что продумано, прочувствовано. Благодарил Никиту Сергеевича Хрущева за неутомимость в деле борьбы за мир. Благодарил партию за отеческую заботу о благосостоянии народа: — Мы так выросли, что стало возможным отменить налоги с населения. Интонации голоса стали гневными, когда речь пошла о тех, кто хочет помешать нам:

— Это безумие — играть атомными и водородными бомбами. Жизнь человеческая — не лотерея.

Слесаря сборщика сменил на трибуне инженер конструкторского бюро В. Полищук.

— На заботу партии о нас конструкторы тепловых турбин уже достойно ответили и продолжают отвечать делами. В сжатые сроки был закончен рабочий проект паровой турбины мощностью в 300 тысяч киловатт. Досрочно завершается технический проект сверхмощной турбины в 800 тысяч киловатт и эскизный проект машины в миллион киловатт.

С митинга иду с незнакомыми девушками. Рабочий день (семичасовой) кончился. Завод наполовину опустел. Одна из моих спутниц говорит, ни к кому не обращаясь:

— Неужели сможет еще начаться война?

Вторая, вся в белых локонах, совсем молодая, отвечает почти раздраженно:

— Что война — бандиты людей на смерть шлют в мирное время. Доказать что-то хотят.

Я взяла под руку эту незнакомую девочку в локонах, и она не удивилась, даже не подняла на меня глаза. Все люди, которые шли сейчас рядом с ней, были ее друзьями. С каждым можно было разговаривать, как с родным.

Как изменилось время! Каким миролюбием проникнуты даже гневные слова девушки! Куда пропали ожесточенность и жестокость суждений военных лет! Хочется дружить со всеми простыми людьми всего мира. И если уж мы, больше всех потратившие сил и крови на войне, миролюбивы и добры в мыслях, то как же не хочется войны простому американцу, которому и ожесточаться-то не на что, у которого и дом цел, и семья в целости.

...Так всегда бывает в деловом производственном Ленинграде — вечером начинается телефонный обмен мнениями. Звонит ко мне вальцовщик, он же молодой поэт Василий Захаров. Начинается разговор с полушутливого упрека:

— Вы как-то разругали мое стихотворение. Помните? О том, как некий молокосос постеснился поднять с полу три копейки. Говорили: зачем из-за такой мелочи писать стихи! Ну не поднял — и не надо. Помните? Я вам поверил и отложил стихи. А как теперь думаете, надо ли поднимать три копейки? — шутит он.

Да, я в самом деле когда-то ругала это стихотворение. Подумаешь, кто-то не поднял три копейки! Ругать за это — значит обнародовать мелочность своей натуры.

Сейчас дело представилось в совсем ином свете. Как любит говорить Павел Куприянович Долгий, главный бухгалтер Металлического завода, люди стали порой забывать, что копейка рубль бережет. С ним, крупным финансовым работником, теоретиком и практиком своего дела, был у меня длинный разговор. Разговорились о сумме, которую платит коллектив завода в виде подоходного и «бездетного» налогов. Через пять лет деньги эти перейдут в личный бюджет трудящихся.

А еще Павел Куприянович крепко сетовал на нелегкую долю финансовых работников. Очень радостно, что через несколько лет объем работы у бухгалтерии сократится. Но Министерству финансов следует крепко подумать о упрощенности самой структуры бухгалтерского дела, об упрощении методов расчетов.

Вот еще звонит телефон, и очень знакомый голос — голос хозяина в моей собственной семье — говорит:

— Я задерживаюсь на заводе. Почему? Да, честно говоря, без особых деловых причин. Просто сидим тут в бюро и говорим о сессии. Ведь так много нового, знаменательного!

...Я не успела дописать последних строк моего репортажа, а город был уже взволнован заключительным словом Никиты Сергеевича Хрущева на сессии Верховного Совета. Люди выскакивали из трамваев и автобусов, чтобы вклиниться в толпу у ближайшего радиорупора. Я тоже слушала, волновалась, удивлялась и думала. И я вспоминала ту славную белокурую мою спутницу, которая негодовала на поджигателей войны, посылающих своих людей на смерть. Но американский летчик не погиб, не покончил жизнь самоубийством. Напиматели могут купить чужой труд и чужую совесть, могут опоганить преступление, но принудить отдать жизнь — с этим не в состоянии справиться даже доллары. Люди, способные жертвовать жизнью, должны, видимо, иметь при себе не золото и не отравленную булавку, а нечто совсем иное, чего не в силах иметь ни один наемник!

Наталья ГРУДИНИНА

ЛЕНИНГРАД. (По телефону).

Н. РАЗГОВОРОВ

Про озон и Пентагон

Обнаружил Пентагон
В атмосфере газ озон.
И, по мнению Пентагона,
Слишком много в ней озона.
Всполошились в штаб-квартире
Генеральские чины:
Что-то миром пахнет в мире,
Мало запахов войны.
Сморщен нос у Пентагона,
Водит носом Пентагон:
— Где источники озона?
Воздух кем оздоровлен?
Сообщает Аллен Даллес
Перед сборищем волк:
— Мы в разведке догадались,
Разузнали, что и как.
Над Кремлем такие звезды,
Что они уж много лет
Очищают в мире воздух,
Излучая мирный свет.
Мы свою готовим меру,
Чтоб озон испоганить:
Нужно срочно атмосферу
Дохлой крысой отравить.
И летит шпион-пролаза,
Незаметен, ловок, мал,
И летит невидный глазу
В небе спрятанный комар.
Но советская ракета,
Наших спутников сестра,
И за двадцать тысяч метров
Понадает в комара!
Мы стоим за воздух свежий,
Свежий воздух нужен всем,
Кто на мир равненье держит,
Без различия систем.
Но для этого полезно,
Чтобы в памяти свежи
Были судьбы тех, кто лезет
К нам, за наши рубежи.

Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Торжественное заседание, посвященное 15-летию победы над фашистской Германией.

Отчет о торжественном заседании публикуется на 2-й стр.

Фото М. Трахмана

В ЧЕСТЬ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ

В ослепительном сиянии огней зал Дворца спорта в Лужниках, в глубине сцены — портрет основателя Коммунистической партии и Советского государства великого Ленина.

Здесь сегодня собрались генералы, адмиралы и офицеры Советской Армии и Военно-Морского Флота, представители партийных и общественных организаций столицы, деятели науки и культуры, рабочие и служащие предприятий и учреждений Москвы, колхозники столичной области.

Горячими аплодисментами были встречены занявшие места в президиуме товарищи А. В. Аристов, Л. И. Брежнев, К. Е. Ворошилов, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, О. В. Куусинен, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов, маршалы, генералы, адмиралы и офицеры Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Торжественное заседание открывает председатель Исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся Н. И. Бобровников.

С большим подъемом собравшиеся избирают в почетный президиум заседания — Президиум ЦК КПСС.

Слово для доклада о 15-летии победы над гитлеровской Германией предоставляется Министру обороны СССР, Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому.

В начале своего доклада тов. Малиновский подчеркнул, что 15-летие со дня всемирно-исторической победы над гитлеровской Германией советские народы и все народы мира празднуют как день освобождения от угрозы порабощения, которую нес им немецкий фашизм — злейший враг человечества, демократии и прогресса.

Победа над Германией была одержана совместными усилиями народов Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции и других стран антигитлеровской коалиции. Однако советские люди по праву гордятся тем, что главную и решающую роль в разгроме германского империализма сыграл советский народ и его славные Вооруженные Силы.

Коммунистическая партия подняла советский народ на Великую Отечественную войну против немецких захватчиков. Несокрушимой единой стеной на пути врага стали армия и народ.

Тов. Малиновский говорит о самых победах советских войск. Война была перенесена на территорию противника и оккупированных им стран Центральной Европы. Советская Армия оказала решающую помощь патриотическим силам Польши, Чехословакии, Албании и Югославии. Уничтожение отборных группировок гитлеровских войск избавило Румынию, Болгарию и Венгрию от господства фашизма.

Тов. Малиновский говорит о тех огромных потерях и разрушениях, какие понесла наша Родина в Великой Отечественной войне.

Мы склоняем свои головы перед миллионами советских патриотов, героев и героинь, отдавших свои жизни в самоотверженной борьбе за свободу и независимость своей Родины, за счастье нашего народа.

Победа Советского Союза в минувшей войне, отмечает министр обороны, — результат твердого и правильного руководства народом и армией коммунистической партии. Лучшие свои силы отдала партия Красной Армии и Флоту. Только в первом году войны партия направила в ряды Красной Армии до миллиона коммунистов. К концу войны в армии и на флоте насчитывалось до трех миллионов членов и кандидатов партии — почти 60 процентов всего ее состава. Героическую борьбу на фронте и в тылу вел славный Ленинский комсомол.

Тов. Малиновский говорит о том, как буржуазные идеологи стараются принизить роль Советского Союза в разгроме гитлеровских агрессоров. В ряде случаев чрезмерно преувеличивается значение второго фронта, открытого союзниками в Европе. Однако хорошо известно, заявляет тов. Малиновский, что он был открыт после того, когда события повернулись так, что если бы союзники опоздали то наши войска могли бы оказаться не только в Берлине, но и дальше.

В фальсификации истории второй мировой войны активное участие принимают реакционные деятели Англии и Соединенных Штатов. Смысл поэтен: он заключается в том, чтобы ободрить немецких реваншистов, реабилитировать провалившиеся планы антисоветского похода. Нет нужды полемизировать с авторами подобных, с позволения сказать, «исследований». По поводу их измышлений можно сказать только, что если мы раньше разгромили вскормленную империалистами огромную гитлеровскую военную машину, то теперь, когда могущество Советского государства неизмеримо возросло, мы раздавим фашистскую гадину прежде, чем она выползет из своей норы.

Мы празднуем 15-ю годовщину победы над фашизмом, продолжая марш, в необычайно радостных условиях. Решения XXI съезда КПСС воодушевили наш народ на новые героические дела.

С глубоким удовлетворением и большой патриотической гордостью воспринял советский народ решения Пятой сессии Верховного Совета СССР, направленные на укрепление экономического могущества Советской Родины и повышение народного благосостояния. Не за горами уже то время, когда Советский Союз будет иметь самый высокий в мире уровень жизни народа.

Говоря об обеспеченности Советских Вооруженных Сил атомным и термоядерным оружием и ракетами различного радиуса действий, тов. Малиновский указывает, что наши замечательные конструкторы, ученые, инженеры не почивают на лаврах. Они усердно работают и обеспечивают нашу оборону еще более совершенными и грозными образцами оружия и боевой техники.

Однако, несмотря на свое военное превосходство, Советский Союз никому не угрожает.

Народы мира ждут, что на совещании глав великих держав, которое начнется через несколько дней в Париже, будут приняты согласованные решения, которые укрепят мир. Советское правительство сделает все, чтобы оправдать эти надежды. Последние же шаги западных партнеров по совещанию, как отметил Н. С. Хрущев, дают пока мало оснований для надежд на то, что правительства западных держав действительно ищут решения важнейших вопросов, осложняющих международные отношения.

Тов. Малиновский останавливается на подробностях, связанных с полетом американского воздушного шпиона. Под бурные аплодисменты собравшихся он заявляет:

— Мы твердо вам отвечаем, господа американские империалисты, — нет, не будете вы летать над нашей землей. Мы вам не Гватемала, не Турция, не Южная Корея. Мы обиды не будем сбивать взрывом, кто посмеет нарушить наше воздушное пространство, и примем все меры, которые найдем нужными для защиты неприкосновенности наших государственных границ.

Мы предупреждаем и страны сочастницы этого злодеяния, которые предоставляют свою территорию и аэродромы для полетов таких самолетов-пиратов в пределы нашей страны, — одумайтесь, пока не поздно. Теперь техника настолько совершенна, что безошибочно показывает нам, с каких аэродромов взлетают разрушители, мы вправе принять любые меры в этом случае против этих баз и аэродромов и можем снести эти базы, так что от них ничего не останется.

Советский народ может спокойно смотреть в будущее, смело идти по начертанному партией пути строительства коммунизма. Овеянные славой исторических побед, Советская Армия и Флот бдительно охраняют свою любимую Родину, свой народ, мир и безопасность во всем мире.

С огромным воодушевлением участники заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Волнующим моментом явилось появление в зале знамени Победы. Его на сцену, на которой в эту минуту был спроецирован рейхстаг, пронес через зал Герой Советского Союза М. А. Егоров, водрузивший вместе со своим боевым товарищем Героем Советского Союза М. В. Кантария 30 апреля 1945 года это знамя над цитаделью фашизма.

К ЧЕМУ ПОЗОРИТЬ ЗВЕЗДНЫЙ ФЛАГ?

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Я ДУМАЮ, что некоторые военные деятели в США нынче вполне заслужили награду гитлеровским «железным крестом» со свастикой. Фашистские методы отмечаются только фашистскими знаками.

Все человечество ощутило теплоту надежды, когда Н. С. Хрущев от имени Советского правительства внес предложение о всеобщем разоружении.

Никогда человечество не было так близко к тому, чтобы навечно уничтожить опасность возникновения войн, как ныне.

И вот в канун совещания глав правительств американский самолет совершил бандитский налет на нашу страну.

Когда об этом разбойничьем поступке Н. С. Хрущев сказал на сессии Верховного Совета, депутаты — высокие представители советского народа — произнесли единодушно: «Позор!». Да, позор тем, кто опозорил Америку этим гнусным актом. И надо думать, народ Америки не простит тех, кто так бесчестит ее звездное знамя.

Пиратское вторжение американского самолета окончилось тем, чем должно окончиться любое вражеское вторжение на нашу землю. Советские Вооруженные Силы выполнили свой долг. С первого же выстрела ракетой.

И мы, будучи сильны, как никогда, хотим, чтобы мощь государств измерялась не оружием смерти, а лишь тем, что служит жизни. Поэтому советские люди ответили на акт агрессии одним словом: «Позор!».

Майор американской авиации Клод Роберт Изерли, который соросил по приказу Трумена атомную бомбу на Хиросиму, сошел с ума, потрясенный своим поступком.

Возможно, Пауэрс и не знал, что означал его налет для всего человечества. Теперь он узнает. Но мы вовсе не хотим, чтобы он сходил с ума. Он — пылинка, которую сдули некоторые деятели в США, рассчитывая, что, попав в глаз советскому народу, она ослепит его гневом.

Нет, господа, вы ошиблись. У того, кто силен, больше спокойствия. Мы не собираемся ни угрожать, ни пугать. То есть пугать ракетами, угрожать бомбами. Мы напугали вас другим — и гордимся этим. Законами, принятыми на днях. Тем, что снимаем налоги со своего народа, что сокращаем рабочий день. Наш рубль становится все весомее и весомее.

Вы проигрываете, господа, в мирном экономическом состязании с нами. Но стоит ли вам бесноваться, сходить с ума от этого, пускаться на провокации? Ведите себя прилично. Не суйтесь в чужой дом, где всех незванных встречают так, как они заслуживают.

Вы нанесли бесчестие флагу США позорным разбойным актом. Мы убеждены, народ Америки не простит вам этого. Но то чувство дружбы и доверия, которое советские люди испытывают к американскому народу, вам не удалось смрачить — даже черной провокацией. Надеемся, что семьи погибших американских воинов во второй мировой войне и американские ветераны войны разыщут где-нибудь в хламе трофейные немецкие фашистские ордена и отошлют их тем, кто повинен в совершенной провокации, такая «награда» будет справедливой.

Беспримерная провокация

Александр ЧАКОВСКИЙ

ГЛЯДЯ на эти опубликованные в газетах фотоснимки — на этот бесшумный пистолет, на запас патронов, пачки денег, нож, специальную булавку, я испытываю противоречивое чувство.

Конечно, его можно было бы определить одним словом: «возмущение». Но нет, в данном случае дело сложнее. В разгар «холодной войны», когда всевозможные провокации американской военщины были обычным делом, мы реагировали на них одним прямолинейным чувством возмущения.

Но сегодня... Сегодня, когда воспоминание о поездке Н. С. Хрущева в США живет в сердцах миллионов американцев, когда предложение Советского правительства о всеобщем и полном разоружении овладело помыслами людей всего мира, когда тысячи граждан Соединенных Штатов — туристов встречают душевное гостеприимство на советской земле, а государственные и общественные деятели США в беседах с нашими гостями говорят о своей приверженности миру... Как сегодня мы должны оценить пиратский налет воздушного шпиона?

В первомайский весенний, радостный день музей диверсий против советского народа пополнился новыми экспонатами со зримым клеймом «сделано в США». Это позорно!

Сегодня разведывательный полет американского самолета над советскими городами вызывает не просто возмущение. Он вызывает сложное чувство горечи, презрения к лицемерам, обиды за американский народ, который обманывают, наносят, естественное недоверие к официальным заверениям американских руководителей.

Мне очень, очень хочется, чтобы простые люди Америки, чтобы американская интеллигенция поняли это! Я мысленно продолжаю тот диалог, который вел я десятками американцев на земле Соединенных Штатов и на советской земле.

Вы, вероятно, помните наши долгие беседы, господа Норман Казенс, Райт Миллс, Карл Сэндберг, Эдвард Уикс, Эрскин Колдуэлл, Арнольд Мэрмонт, Артур Сульцбергер. Все вы — умные и уважаемые в США люди, редакторы, писатели, промышленники. Нас многое разделяло и разделяет. Лишь в одном у нас не было с вами разногласий. Мы все сходились на том, что народам нужен мир, что «холодная война» осточертела, что перед нами открываются поистине необозримые возможности для культурного сотрудничества и что водородная бомба должна быть уничтожена.

И мне горько и обидно знать, что в то время, как мы с вами ведем разговоры, спорим, соглашаемся, снова спорим, уславливаемся о взаимных визитах, об обмене статьями, делаем реальные шаги к тому, чтобы наши народы лучше поняли и узнали друг друга,— в это самое время старший лейтенант военно-воздушных сил вашей страны Фрэнсис Гарри Пауэрс получает шпионские инструкции, засовывает в карман бесшумный пистолет и вверяет приборы, которым предстоит фиксировать наблюдения с двадцатикилометровой высоты в полете над территорией СССР.

Эмоции, может быть, не вполне уместны, когда речь идет о столь холодно рассчитанном провокационном акте. Но я не могу не подумать, что бандитский полет американского самолета над советской землей происходил в день Первого мая над толпами советских людей, радующихся, что пришел конец «холодной войне», видел, над которыми реяли плакаты с написанным на них словом «Мир».

Вы, писатели, философы, журналисты Соединенных Штатов, не должны остаться безучастными к преступлению вашей военщины! Ведь она поломит и вас, объективно предоставляя вам роль среди тех, чье лицо должно загадить пути самолетов, засылаемых в советское небо! Быть может, чувство справедливости и собственного достоинства заставит вас выразить гневный протест тем высокопоставленным американцам, которые не считаются со столь недвусмысленно выраженной волей к миру и дружбе миллионов ваших соотечественников?

Что же касается нас, советских людей, чье доверие, чьи надежды на мир и дружбу с Соединенными Штатами были так грубо оскорблены, то мы тем не менее останемся верными своим главным намерениям, своей вдохновляющей мечте.

Мы будем бороться за мир. Всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами мы будем сбивать самолеты, появляющиеся в советском небе с враждебными целями. И в то же время мы будем продолжать делать все от нас зависящее, чтобы мир и дружба между народами восторжествовали на земле!

Дни литовской поэзии

11 мая большим вечером в Политехническом музее начнутся дни литовской поэзии в Москве. Литовские поэты выступят в цехах Автозаводе имени Лихачева и в Парке культуры и отдыха имени Горького. В Государственном литературном музее состоится вечер, посвященный памяти поэта-героя Витаутаса Монтвилы. Гости выедут для выступлений в Горький, а также в Орел—город, где с боями проходили литовские части Советской Армии в годы Великой Отечественной войны.

Для участия в днях литовской поэзии в Москву приехали А. Венцлова, Т. Тильвитис, Э. Межелайтис, В. Мозурюнас, В. Реймергис, А. Малдонис, Э. Матузявичюс, А. Балтакис, Ю. Марцинкявичюс, А. Ионинас, Ю. Вайчюнайте, В. Шимкус.

Винцас МИКОЛАЙТИС-ПУТИНАС

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Солжет, кто скажет, будто с юных лет
Я не любил тебя, не жил твоей судьбою.
С тобой встречал я сумрак и рассвет,
С тобою счастлив был и горевал с тобою.
И каждый сокровенный мой обет,
И все мои мечты тебе вверял тогда я,
По рощам и лугам в раздумии блуждая.
Теперь, когда горит на западе закат,
Я вновь к тебе приплыл, как много лет назад, —
Я к матери моей приникнул, как бывало,
И радуюсь тому, что выполнено мной,
И сетую о том, что от мечты иной
Уже следа не стало.
Мне вспоминается угрюмая пора
И ураган в ночи, и утро золотое,
Когда проснулась ты ною, чем вчера, —
Не жалкою рабой, не робкой сиротою.
Чтоб жить и созидать, — ты с нами навсегда,
Вдыхаю полной грудью воздух свежий!
Простор полей не рассекают мины.
Ты — вольная! И нас в родном краю
Не сгерегут лишенья и невзгоды.
Тебя, как равную, зовут в свою семью
Освобожденные народы.
Как хорошо в полях бродить, когда
Их будят ветерком предутренние зори
И жито колыхается, как море!
До самой смерти бодрствовать с тобой,
С тобой делиться, чем душа богата!
Меня, как мать, взрастила ты когда-то,
Ты мне придешь на помощь в час любой.
И я не знаю лучшего удела,
Чем всей душой, всем сердцем понимать,
Что ты идешь путем, каким хотела,
Моя земля, моя родная мать!

Перевела М. ПЕТРОВЫХ

Антанас ИОНИНАС

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

Бескрайней степью
Сердце распростерлось,
Идешь, идешь,
Пространством объят...
Что там?
Быть может, горизонт схватив за горло,
Преступником
Скрывается туман?
А может быть, сверкает огонек,
Зовет меня за ставнями прохладными?
А может быть, скрипит,
Скрипит песок
Тяжелою беседою пустыни...
Ты океаном, сердце,
Предо мной —
Плывешь, плывешь,
И берегов не видно,
Ты ищешь их
За каждою волной,
И без родных
Так тяжко и обидно!
А может быть, попутный ветер добрый
Цветущий остров
Где-то отыскал,
А может быть,
Ломая судну ребра,
Он разобьет его у мрачных скал?..
Люблю блуждать
Простором взбаламученным,
Путями новыми
Я грежу до сих пор.
Любые дали
Смелыми изучены,
Но что ни сердце —
То другой простор!

Перевел М. СВЕТЛОВ

Теофилис ТИЛЬВИТИС

ДОБРЫЙ ХЛЕБ

Эту речку звали ласково: Святая.
Бором сторонена, убрана песком...
Хлеб преподнесла мне девочка простая,
Голову украсила мне ржаным венком.
Хлеб я взял из рук ее,
А на нем сияет
Незакатным солнцем красная звезда.
Дети улыбаются, дружно приглашают:
— Заходите гостем дорогим сюда.
Мне такой сердечности видеть не пришлося!
Снова с детворою повстречаться мне б,
Чтоб стояли снова сто светловолосых:
— Кушайте, пожалуйста! Это добрый хлеб.
Свежий хлеб священный! Ломти полем пахнут,
Он наполнен медом, тмин в себе хранит,
Хлеб, не отдающий тяжким потом пахаря,
Хлеб без острой горечи дыма и обид.
Я несу буханку с красною звездою,
Корочку волшебную откусить я рад...
Милая, спасибо! Хлеб всегда со мною,
Пусть он недопечен, пусть он кисловат, —
Правильно слова мои ты поймя, красавица,
Протяни доверчиво теплую ладонь...
С нашею буханкою печи не управиться,
Ведь, как воздух, нужен ей большой огонь!

Перевел М. СВЕТЛОВ

Альфонсас МАЛДОНИС

ДОРОГА

Поля, как хлеб, что сахаром посыпан,
В дорожных колеях воды полно...
И увязая, с оханьем и скрипом
Телеги тяжело везут зерно.
Здесь краткою порою сможет мало —
Нужна тут сила, чтоб возы толкать.
Что говорить — когда легко бывало
По целине дорогу пролагать?
А мы всегда в грядущее глядели
И жили им средь наших бурных дней,
И больше всех, всех яростней хотели
Жить в настоящем ярче и полней.
Мы начинали с дел больших и сложных,
Чтоб к нашей цели не плестись шажком...
Что вязкость этой колеи дорожной?
Ее-то я в порядок приведем!
Нам не впервой. И это знает всякий.
Над нашей жизнью властвует порыв,
С которым без дорог мы шли в атаки
И строили дороги — победив.

Перевел Н. КОРЖАВИН

Эугенijус МАТУЗЯВИЧЮС

ПЕСНЯ И ЗВЕЗДЫ

За окнами—звездное небо ночное.
От мыслей нахлынувших
Нет мне покоя...
Когда-то лишь в песне, в мечте дерзновенной
Летал человек
К звездам—синим и ясным.
Лишь песней прокладывал путь во Вселенной
И думал, что звезды лишь в песнях не гаснут.
Живут, как мечты за далекою далью...
Так люди считали.
Так люди мечтали.
Нам тоже хватало тех звезд
Тогда:
Звезд в сердце и в песне,
И в далях без краев...
И мы их касались.
И их омывала
Высокого неба волна голубая.
Но были те звезды
Лишь песней, мечтою,
А физики
Впрямь их коснулись рукою!
И вот уже,
Скорость свою развивая,
С земли поднимаются выше и выше
Созвездья, где мысль воплотилась живая.
Что нашей мечтою и верою дышат.
И в них воплощается давняя сила,
Которую прежде лишь песня хранила.

Перевел Н. КОРЖАВИН

1945 год. Парад Победы. Фото М. Трахмана

Хищные клювы фашистскихи знамен
К камню прижаты солдатами нашими.
Не забывайте про этот поклон
Все, кто военные планы вынашивает.

Спор на быстрине

Александр МИХАЛЕВИЧ

СЛОВО ХУДОЖНИКА И ДОЛГ ЧИТАТЕЛЯ*

ЕСЛИ верно понять и оценить остроту моральных проблем, возникших перед нами, то, взяв в руки вторую книгу «Поднятой целины», уже не ограничишься тем, что вслед за авторами первых статей об окончании романа скажешь: «Художник исполнил свой труд».

Художник-то выполнил свой долг, а как выполнил его мы с вами — читатели этой давно ожидаемой и необычной книги? И как мы будем действовать, поступать, жить **после** прочтения ее? Если только так, как жили и поступали раньше, то... стоило ли и книгу писать, и читать ее?

Не может настоящая, выстраданная автором книга не вмешаться в наши споры на быстрине жизни, не задеть в одном человеке одних струн, в другом—иных... Живые ли картины недавнего прошлого захватят в романе ваше воображение, судьбы ли героев увлекут вас, или покорите прелесть художественных описаний природы, или доставит наслаждение щедрость и сочность народного языка,—за всем этим останется **что-то**, может быть, самое главное, в чем еще надо разобраться, согласиться, о чем надо подумать, что примерить к себе, к окружающим, открывая книгу...

Меньше всего хочешь пожелать шолоховскому роману чересчур «быстрого» успеха. Нынче читатель навострился «проглатывать» книги; вот так, не дай бог, кое-кто, не разжевав, проглотит и новую «Поднятую целину», успев лишь перебросить со знакомым: «Ну, как?» «Здорово!» «А по-моему, в первой книге здоровее было». «Что ты, что ты!» «Нет, право, со Щукарем—уж чересчур». «Пересаливает? А по-моему, нет...» — и перешли к текущим делам...

Но, разобраться, — как раз многие «текущие», якутские дела (не вдаваясь в данном случае в большие и очень долговременные литературно-философские категории) особенно интересно и поучительно вяжутся с этой книгой, где на поверхности события как будто уже подернутого дымкой времени тридцатых годов.

Совсем, совсем новелин тот пятачок, на котором разыгрывается действие в Ипе, — лишь один хутор в триста дворов словно выхвачен из безбрежного житейского моря, и самого действия мало, меньше, чем в первой книге, и отрезок времени куцый — весна едва успевает смениться летом. Но, может быть, именно целой такого авторского сосредоточенности достигнуто поразительное углубление в характеры, внутренний мир героев, до конца просвечена «людская середка» людей, внешне подчас неказистых, — и сколько же удивительного таит в себе, как богата диалектика этой людской «середки»!

Иным реставрационистским лекарям на Западе или фальшивым «столпам» буржуазного литературоведения представляются очень важными очередные преступы их презрения к человеку, их сногсшибательные открытия — вроде того, что современный человек есть «человек хаоса», «человек абсурда», их убеждение в том, что темное, смутное, низкое начало неодолимо в людях, что на сцене истории нет народов, а есть только одиночки, и сама история лишена смысла.

Но что оставляет от всех этих открытий и построений даже один свежий том «Поднятой целины» — этот, из самой жизни выневшийся, необыкновенно светлый гимн «непростому простому человеку», упорно восходящему к величайшим целям!

Ну, а для нас—в эту историческую эпоху, когда все более увеличивается в нашем обществе «цена человека», резко возрастает взаимное уважение достоинства друг друга, когда так ждем мы от молодежи, чтобы она богатела душой, когда жарко спорим о «резерве номер один», стремясь быстрее растормошить, пробудить, выявить все человеческие возможности любого рядового труженика—для нас сущий клад эта и веселая, и грустная, и колючая, и ласковая, и больше всего — мудрая и человечная, из живого ленинского зерна выросшая шолоховская книга.

ЖИЗНЬЮ бит-перебит дед Щукарь, казалось бы, самый «серьезный» герой романа, вытащенный на большой свет из самых задворок быта, оттуда, где несла его жизнь «и наперекосяк, и боком, и вверх тормашками». Что, казалось бы, можно почерпнуть из его нескладной судьбы, бесчисленных веселых и горьковатых приключений, неудержимой и пустой, на первый взгляд, слоевоохотливости? Он сам о себе замечает как то: «За длинную жизню... душонка стала... вся на дырях, как старая портянка».

Но попробуйте после романа Шолохова пройти **в жизни** мимо такого Щукаря, не уважить его не сразу заметного достоинства, не разглядеть в нем что-то большее, чем балагурство, то забавное, то жалостливое. Ведь знает Шолохов грех невезучего старика, знает, как легко «заводится» дед, как бесслен он перед собственными приступами словоизвержения... И, однако, щедро приводит и пересказывает его бестолковые сны и бесчисленные приметы, споры со старухой, разговоры с колхом, соленые пререкательства с цыганистым Дубовым, которого тоже «со смешком зачинали»; словесные турниры с самим собой. Ради улыбки анекдота, разяекательности или красного словца это делается? Нет, очевидно, ради того, чтобы мы знали все об этом человеке — натуре, в конце концов, самой непосредственной в своей детскости, — и чтобы, поняв, поверив тому, как, скажем, уважен Щукарь, что в жизни «главнее» мужатых пашет метку» или что «жениться — не меду напиться», мы глубже, до конца поняли бы и то, как воспринимает и постигает Щукарь «непонятину» новой жизни.

В конце концов, если можно и нужно отсчитывать время и вехи нашего движения вперед, скажем, по решениям пленумов ЦК и съездов партии, то истинную глубину, размах и смысл этого движения полностью не постигнешь и без того, чтобы понять и оценить, как и почему вот такой или иной Щукарь признается: «Я под старость такой жадный стал до всего нового, что прямо страсть». С улыбкой читаешь о том, как Щукарь слушает радио, или как мечтает проехаться на велосипеде, или даже обугленное желанием... пройтись с нарядно одетой девушкой под ручку — никогда в жизни не доводилось... Но все эти черточки подготавливают вас к тому очень серьезному, что заключено в его грустной по тону и резкой по смыслу примете: Нагульнову во время внешне несуразной речи на партсобрании: «Значит, ты порядочный, а я нет?»

И тот «отлуп» — отвод Кондрату Майданникову при разборе его заявления о вступлении в партию, который дает Щукарь, при всей внешней его стеснительности совсем не так потешен и наивен. За что, собственно, «лупит» Щукарь Кондрата? С чем сводит счеты? С проклятой «жалью» по личной собственности, по индивидуальному хозяйству. «В социализм ты входил, слезьми умываючись, а в коммунизм как же ты заявляешь?» — всенародно спрашивает Щукарь Кондрата. Вот его, если хотите, далекий прицел, и те взрывы хохота, которые сопровождают в одно и то же время и сурово обвинительную, и защитительную речь деда, — это драгоценный миг расставания с прошлым, поворожения его в Лету, это хорошая солидарность с человеком, успевшим убедиться, что в партии нужны не «слезоканы», а люди «веселые, жизнерадостные»...

И когда на самых последних страницах романа прощаемся мы со Щукарем — страшно постаревшим, сгорбившимся, он проснувшаяся ночи на скамеечке около могил бесконечно родных для него Давыдова и Нагульнова, вздыхает, крестится, плачет, признаваясь, «будто двух родных сынов сразу потерял... И щемит проклятое сердце день

* Писатель А. Михалевич продолжает разговор, начатый им в статье «Спор на быстрине» (см. «Литературную газету» от 9 апреля).

СРЕДИ КНИГ

Счастливого пути, Аленка!

Илья ЗВЕРЕВ

На сорока трех журнальных страницах — где подробно, где в нескольких штрихах — судьбы людей, любовь, счастливая и несчастливая, детство, юность, зрелое мужество и та настоящая работа, про которую говорят: человек делает дело — дело делает человека.

Писатель избрал простой способ рассказать обо всем этом. Он свел очень разных людей в пропыленном кузове грузовой машины, идущей из целинного совхоза «Солнечный» за четыреста километров на станцию Арык. Способ старый. В сколько рассказов и повестях экспозиция ограничивалась одним рейсом грузовика (поезда, самолета, дилижанса). Что и говорить, что у Антонова были превосходные предшественники.

Повесть вызывает ассоциации совершенно определенные. Сергей Антонов стремился написать свою «Степь». Это стремление так явственно, что на иных страницах «Аленки» хочется сделать пометку: «Сравнить с А. П. Чехов. «Степь», страница такая-то».

Можно спорить о том, обеднила или обогатила Антонова столь ревнивая верность великому образцу. Думается, в чем-то и обеднила, потому что автору «Аленки» пришлось многое вводить в заранее заданные рамки, и не всегда чистилось, и не всюду обошлось без потерь. В маленькой повести Антонова заключено, как бы спрессовано несколько повестей, и не маленьких. Это идет от несомненного богатства, но всегда чувствуется, что авторская свобода обращения с «материалом» стеснена.

Правы или неправы был Антонов, строя «Аленку» так, как он построил, но при любом отношении к замыслу нельзя не видеть явных удач автора.

Прочитаешь повесть и, может быть ярче и опутчимее, чем многое виденное на самом деле, представишь себе заснеженные и красные казахстанской степи, ее звуки, начисто лишенные эха, словно предметы, лишенные тени; беркута, мерящего крылом свои владения; водопой, где мохнатая казахская лошадь не пьет, а словно бы целует воду бархатными губами; песчаный вихрь, налетающий, как джин в мультипликационном фильме. И наверное, не удивила бы, увидев на складах своей одежды бархатники степной пыли — так сильно ощущение действительного путешествия.

Но обаяние повести не столько в этих вечных приметах степи, отмеченно увиденных и отменно описанных, сколько в приметах новых, необычайных, многое говорящих уму и сердцу.

Едут люди в кузове грузовика. Разговаривают. Вспоминают разные случаи. И читатель, слышащий их спокойные голоса, вдруг оказывается причастным к самой сердцевине сложной и смелой жизни целинного совхоза.

Антонов обходится без восклицательных знаков, без богатырских слов. И когда в конце повести какой то человек на станции говорит о героях сразу все эти слова, они считают его чудаком. Это и их характер. Так сказала когда-то Паша Ангелина: не я выдающаяся дочь народа—это ерунда, а я дочь выдающегося народа — это правильно.

Вот — Василиса Петровна. На первый взгляд, тетка и тетка, полная наивных суеверий, говорливая, суматошная, хлопотунья, как клуша, то над кошельками и бидонниками, то над девочкой, доверенной ее попечению. Но писатель заставляет внимательнее присмотреться и прислушаться, и вдруг открывается человек замечательный.

Оказывается, Василиса Петровна на старости лет поехала за тридевять земель от родного села на целину, стала дочкину комсомольскую путевку обязательной для себя. Не успела обосноваться в этой угрюмой, необжитой степи, как на нее обрушилось самое страшное горе: погибла ее дочь, почти девочка, «красавица... не любная, неслыханная». И Василиса Петровна осталась в совхозе, зиму и лето без выходных возилась у плиты, чтобы кормить вечно голодных трактористов. И уже в машине, которая навсегда увозит ее с целины (велели доктора: «внутри вся износилась, сверху донизу»), она ругается с главным механиком, который так никого не посчал заварить неисправную плиту в столовой; людям-то есть-пить надо!

Нельзя забыть подробности гибели Лизы, дочери Василисы Петровны. От этих подробностей перехватывает горло. Ее позвали и, бросив ложку, которой она ела свой полуночный обед, Лиза выбежала из землянки, вспочила на коня и поскакала по степи, поплыла через речку, чтобы помешать своим лошадям съесть брошенное на дороге семенное зерно. И погибла...

Плотники не могли сделать ей настоящий гроб — не умели. И место для могилы не сразу смерзлой найти — вся земля вокруг поселка была распределена, и кладбище не предусмотрели. Здесь планировалась жизнь—смерть не планировалась.

А вот Лизина смена: худенькая, невзрачная Эльза Калныньш — зубной врач из Риги. Она отважно отправилась пешком за полтораста километров по безбрежной, лишенной примет степи, чтобы только не опоздать в дальний совхоз, к месту назначения, которое она сама выбрала (если можно назвать выбором просьбу: пошлите куда нужно).

Вот главный механик Гулько — человек, воспитанный в тридцатые годы, с которым «сам товарищ Орджоникидзе беседовал». Он оставил в Рыбинске дом, хорошую службу, больную жену и детей и уехал в эту степь, «потому что понимал—мое дело здесь, кроме меня, никто не сделает». Сделали бы, конечно, и без него, но верно сам товарищ Гулько не может без горячего, будоражащего душу первостепенно трудного дела.

Все это надежные люди, положительные герои, на которых можно положиться. Но почему нет дежурного отрицательного героя, без которого, как давно установлено, вещь не может быть пресной? Не бесконфликтна ли она?

Думается, что эти вопросы не возникнут даже у тех искушенных читателей, которые знают, как положено писать и как не положено. Сергей Антонов не забрасывал литературный лот в глубины жизни, он жил в этих глубинах.

Писатель столько знает о своих героях, что ему уже нет нужды просвечивать характеризовать их с деловой, личной и общественной точек зрения. Он может выбрать несколько ярких штрихов из тысячи его известных, и читатель все поймет, все почувствует. Читатель ведь предъявляет совсем иные требования, чем личный стол, — ему не нужен послужной список.

Приходит на память множество мастерски найденных деталей, которые придают повести покоряющую убедительность... Шофер перед рейсом проверяет, не заснул ли кто под машиной (стень: тень дорогой)... Аленкины учебники, тетрадки, замусоленные шпаргалки (откуда здесь взяться веревочке)... Традиционная арка «Добро пожаловать», через которую никто не ездит... Старый пастух, любующийся, как производением искусства, цифрами, которые выводит палочкой на песке его грамотный внук... Какао, пахнущее полынью, в столовой степного городка, и районная трибуна, с которой местные жители посрывали доски на более неотложные надобности.

Не все равно хорошо в повести. Мне кажется, напрасно введена в нее совершенно выдуманная история (скорее анекдот) о гомерических последствиях Аленкиного желания получить подряд пять двоек. Досадуешь, когда чуткий во всем автор вдруг «переживает», скажем, повторяя множество раз любимое выражение Степана: «Не уважаю я это», хотя читатель уже давно понял, что это его любимое выражение. Впрочем, таких упреков можно сделать немало.

Повесть называется «Аленка», хотя девочке в ней отведено как будто не больше места, чем ее спутникам. А название точное. Это не только повесть о девятилетней Аленке, едущей с целины в Рыбинск — это Аленкина повесть. В ней чувствуется тот пронзительный взгляд на мир, которым одарено детство. Это повесть о путешествии на всю жизнь.

Вот встретился в степи подпасок-казах, гордый и бесстрашный мальчик, игравший с волкодавом. И Аленка приняла его в сердце, можно сказать, выбрала его в товарищи на всю жизнь. Хотя «она знала, что больше никогда не увидит его, и ей было так же тоскливо, как тогда, ночью, когда гасли совхозные огни один за другим, словно перегорали электрические лампочки»...

И спутники ее, хоть девочка этого еще не знает, тоже товарищи на всю жизнь. Она их не раз вспомнит, уже взрослой и умной, и поймет, что это были за люди, что они сделали для нее.

Не зря товарищ Гулько, главный механик, которого все боятся, серьезно и уважительно объясняй ей порядок и ограничивать бензином и про то, что шоферы опорожняют емкости ведрами. Словно отчитывался перед наследницей.

Не зря смотрела Аленка широко раскрытыми глазами на все вокруг и слушала про то, как погибла Лиза, и как два трактора не могли разъехаться в узкой степи, проложенной в глубоком снегу, и как доктор тетя Груня воевала за хорошую комнату для амбулатории, а сама безропотно жила в землянке...

И в Аленке уже было что-то от ее спутников. Так, Аленка потребовала от важного человека, который мог приказать всех отсадить, чтобы он уступил кабинку Насте с грудным ребенком. Она уже умела думать о других.

Спутники Аленки — обыкновеннейшие люди, которых не отметишь в толпе, да и при близком знакомстве не сразу откроешь. Простые люди, никогда не совершавшие в себе слов «подвиг», «самоотверженное».

А между тем — это люди, «совсем не простые и очень необыкновенные, потому что живут не для себя, не для своей корысти, а исключительно для народа, для будущего...»

Счастливо тебе, Аленка! Помни, какие люди снаряжали тебя в путь!

Сергей Антонов. «Аленка». Повесть. Журнал «Новый мир», № 4. 1960.

Ох, уж эти читатели

«ОДУХОТВОРЕНОЕ ЛИЦО МЕТАГАЛАКТИАНИНА...»

Биопсихология, эллиптический параболоид, электронно-мезонная форма движения, анализатор, астронавигация... Что это за набор слов? Откуда он взят, из научной статьи? Нет, дорогие товарищи. Из повести А. Колякова «Гриада», которой газета «Пионерская правда» порадовала своих юных читателей—ребят в возрасте 10—14 лет.

В тексте эти слова выглядят так: «На включенном биоэкране я видел, как мысли Уо спиралями поднимались к недосягаемым вершинам обобщений и абстракций». Или: «Одухотворенное лицо метагалактианина отразило мгновенный бег мыслей. Лучезарные глаза, устремленные в пространство, выдавали гигантскую работу мысли».

Остается повторить известные слова «О друг мой, Аркадий Николаич!. не говори красиво». И непонятно, добавлю я от имени юного читателя.

И. НАЗИМОВ,
кандидат педагогических наук

КИЕВ

ГЕРОИ СРЕДИ НАС

Мертвые стреляют!

Великие подвиги совершали на фронте советские люди. Герои войны—среди нас.

Маленькая, хрупкая женщина — теперь она заведует загсом — во время войны, оказывается, была отважным водителем танка. А неприметная работница была еще совсем девочкой, когда ей пришлось лежать у пулемета, защищая родное село.

О таких героях рассказывает книга С. Глуховского «Добрая слава» (Воениздат).

«Я не трус, повернет — говорит пленный немецкий солдат. — Но как можно воевать, если мертвые стреляют?..».

Замолкла сопка. Все убиты. Враз наступает. На минуту возвращается сознание к тяжело раненному лейтенанту, и он начинает стрелять. Враз в растерянности отступает.

новинки

«СТУДЕНЫЕ ЗОРИ»

Пускай винят меня в повторах,—
опять стихов
моих герой
тот, кто надежно
держит порох
сухим,
в подсумке,
под рукой!

Так начинает одно из этих стихотворений недавний выпускник Литературного института Михаил Горбунов. Эта декларация относится не только к «Армейскому дневнику» (так называется раздел в его книге «Студеные зори», недавно вышедшей в Новосибирском книжном издательстве). И в стихах, посвященных сегодняшней Сибири, поэт верен своему любимому герою—рядовому славной армии трудящихся. Увидеть поэзию в повседневном труде так называемых «простых людей», показать их значительность, их красоту — настоящая задача для поэта. И те стихи Михаила Горбунова, где ему удается ее выполнить, заслуживают и оправдывают внимание читателя.

ПИСАТЕЛЬ-ЭВЕН

Николай Тарабукин — первый писатель-эвен, поэт, прозаик и художник. Опубликованные за 30-е годы, его произведения стали почти библиографической редкостью. Вот почему так интересно появление сборника «Мои книги», недавнего времени Магаданским книжным издательством. В сборник вошли стихи и повесть Н. Тарабукина. Картины жизни таежных охотников, кочующих в дебрях по Индигирке, описание их старых обычаев, воспоминания о прошлом — таковы повести «Мое детство». Это автобиографическое произведение, рассказывающее о тяжелой и безрадостной жизни эвенского народа в прошлом, проникнуто удивительно развитым у автора чувством природы. Привлекают своей простотой, свежая наивной свежестью и поэтические произведения Н. Тарабукина, наивнаемые свободным, без рифм, стихом.

О СКВОЗЬ СХЕМУ...

Д. НИКОЛАЕВ

О деревне последних лет, о тех специалистах, что поехали из города на село по призыву партии, написано немало в рассказов, и повестей, и романов. Сюжет многих из этих произведений схематичен и сказывается, как правило, так: городской специалист едет в отстающий колхоз, предварительно преодолев сопротивление жены или любимой девушки, которой не хочется покидать благоустроенную городскую квартиру. Приехав в деревню, он тут же вскрывает корень недостатков и вступает в борьбу со своим консервативным предшественником, а также со своим непосредственным — как правило, косным — начальством (председателем райисполкома или вторым секретарем райкома партии). В этой борьбе он побеждает (при неизменной помощи первого секретаря райкома или обкома) и быстро выводит руководимое им хозяйство из отсталых в передовые. Параллельно герой успевает встретить очаровательную молодую героиню, совсем не похожую на ту мещанку, которая отказалась с ним ехать на село, влюбляется в эту героиню, и все кончается как нельзя лучше.

Роман Александра Андреева «Грачи прилетели» своей сюжетной канвой в значительной степени повторяет эту схему. Правда, вначале кажется, что автор преодолевает инерцию схемы: главный герой романа Аребин, сравнительно молодой московский специалист, работавший в министерстве, приезжает в глухомань, в отстающий колхоз не один, а с женой и сыном. Но... на другой же день после приезда жена Аребина, испугавшись неблагоустроенности деревенского быта, забрав сына, уезжает обратно, в Москву. Герой остается одиноко, без поддержки в семьи, без подпорки. Его выбирают председателем колхоза; он энергично принимается за дело и спасает положение. Приходит к нему и любовь «в лице» красавицы-агронома Натальи Алгашовой.

Итак, скажет читатель, очередной вариант давно знакомого?..

И да, и нет. Да, что власть уже устоявшейся, сложившейся литературной схемы оказалась достаточно цепкой, чтобы сковать, в какой-то степени подчинить себе тот «жизненный материал», которым владеет писатель. Нет, ибо в романе отчетливо идет себя знать стремление А. Андреева «прорваться» сквозь схему, разрушить ее всеми прямыми привычными, примелькавшимися ситуациями значительный, острый конфликт, который еще не был с достаточной убедительностью воплощен в нашей «деревенской» литературе последнего времени.

Конфликт этот раскрывается прежде всего через образ Павла Назарова — наиболее интересный характер романа.

Ошибки и недостатки в организации сельского хозяйства, которые были допущены в послевоенное время, сказались не только на производительности труда, на урожайности и т. п. Они наруто влияли и на человеческие души. «...Промахи, ошибки, упущения в сельском хозяйстве из года в год подтачивали в человеке волю, силу», — говорит в романе Аребин. Подтачивалась вера в разумность труда, в справедливость, сковывалась народная инициатива. Здесь были свои потери, которые не измерить на тоннами, на центнерами. И надо было обладать большой внутренней силой, чтобы не отступить от самого себя, не присоединиться к тем, за постоянной сдержанностью и уравновешенностью которых росло безразличие.

Павел Назаров не отступил. Бывший гвардеец, человек, сформировавшийся в годы войны с фашизмом, он и в мирные дни чувствует себя солдатом — бойцом за правое дело. Он принадлежит к людям, которых не коснулся червь равнодушия. Больше всего таких людей волнует существо дела, и поэтому они не мирятся с видимостями — с видимостью благополучия, с видимостью роста, с видимостью выполнения важных постановлений и т. д. и т. п.

Уже в самом начале романа автор рисует сцену столкновения Павла Назарова со своим непосредственным начальством — председателем райисполкома Прохоровым. Именно Прохоров спустил колхозу разверстку на покупку молодняка. И хотя Павел Назаров доказывал, что нельзя покупать столько телят, до не выкормишь — они ж, так как некуда их ставить и нечем кормить, его не послушали: мало того, объявили «врагом развития животноводства». Накупили молодняка, отрапортовали: план выполнен, даже перевыполнен! А теперь, когда скот погиб, обвиняли во всем... Павла.

И вот тут-то дрогнул Павел, заколебался, начал думать о том, не бросить ли все и не уйти ли в город...

И все же Павел не кинул родных мест, вернулся с дороги, чтобы продолжить борьбу. Не мог он допустить того, чтобы Прохоров с Коптильниковым торжествовали свою победу. Борьба продолжается, обостряется. Партийное собрание колхоза поддерживает Прохорова, Павла исключают из партии.

Как видим, писатель начал роман с изображения острого, можно сказать, кульминационного момента в жизни своего героя. Это позволило ему сразу же довольно четко и определенно раскрыть характер Павла Назарова, показать его сложность, противоречивость, показать минутную слабость и большую внутреннюю силу этого человека. В первых главах этот характер сопровождается этим новым характером, внимательно следишь за ним, за его развитием. Развитием... Впрочем, очень скоро убеждаешься, что развития-то как раз и нет, как нет и дальнейшего нарастания действия. Писатель, правда, попытался придать действию напряженность, но сделал это, на наш взгляд, далеко не лучшим способом: бери, поэт верен своему любимому герою—рядовому славной армии трудящихся. Увидеть поэзию в повседневном труде так называемых «простых людей», показать их значительность, их красоту — настоящая задача для поэта. И те стихи Михаила Горбунова, где ему удается ее выполнить, заслуживают и оправдывают внимание читателя.

А. Андреев. «Грачи прилетели». Роман. Журнал «Октябрь», №№ 1, 2. 1960.

новинки

ОТ ДЕРЖАВИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Теперь все реже раздаются упреки в адрес литературоведов и критиков. Последние не только вышлют «наверх» больше книг, — меняется сам характер их исканий.

Назовем вышел сборник Д. Благого «Литература и действительность». В названии его точно отражены принципы подхода к литературе, к изучению литературы — будь то статья о Державине, обстоятельный разбор литературы XVIII века или наблюдения над романом «Петр Первый», — все это проникнуто стремлением разобраться в закономерностях развития, в богатейшем опыте литературы прошлого, желанием, чтобы опыт этот служил современности. Взволнованным этюдом «Идейность и мастерство. «Судьба человека» М. Шолохова» завершается эта цельная, интересно написанная книга.

и ночь, и никакого мне покою от него нету!» — должны мы подумать, что не так просто было Щукарю породниться с «дурноцом Давыдовым» и его неколебимым другом Макаром, и что в этой скорбной сцене торжествуют величайшие залоги жизни, и что навсегда заслужил себе глубочайшее уважение в истории Щукарь еще тогда, когда нашел в своей непутевой голове место для таких мыслей о Давыдове:

«Он часто говорил: «Я — рабочий класс». И с чего этот рабочий класс такой напористый? Ежли он затеется что сделать, — будьте спокойны, он с тебя жиной не слезет, а своего добьется!».

Сила художника удивительна. Когда еще наука разгадает тайну таланта, создает «искусственный белок», но кто же усомнится в том, что шолоховские герои — живые, всамделишные? Так лепит писатель образ, так одушевляет и просветвляет человека, что не только замечтешь в нем, в этом человеке, «жевать ку», а еще и разлечишь — добрая она, непритворная или грубоватая, а ведь кроме веселинки, есть и грустинка, и чудинка, и хитринка, и глупинка, и фальшивинка, есть столько сокровенных страниц в человеческой жизни, которая, увы, пролетает со страшной и обидной поспешностью...

Отличное противоядие против поверхностного, неглубокого, самонадеянного, механического, предвзятого подхода к людям несет с собой эта книга. Человек — не голая, обструганная ветка, не механическая единица: «лишь ты человека любой чудинки, и будет он голый и скучный, как вот это кнутовище». И кто же доносит до Давыдова эту высокую истину? Тот самый Аржанов, которого многие в хуторе считают если не придурковатым, то простоватым. «Но он не прост, ох, не прост! — убеждается Давыдов. — ...С детства залез в свою раковину и створки захлопнул, вот и проникни к нему в душу...».

Скольким друзьям и товарищам, облеченным тем или иным доверием, — все равно, на колхозном, или комсомольском, или научном, заводском, партийном поступе, — мы можем теперь душевно посоветовать: перебрать в памяти уроки Давыдова! Вспомните его «осечки»: как назвал их еще один невидный хуторской человек, вечно нацетиненный, будто бы пустобрех Устин Рыкалин, между прочим объяснявший Давыдову, что «он, народ-то, при советской власти свою гордость в сундуков достал...» и «никакой щекотки не любит». Воспользуйтесь тем, как писатель разобрал, обнажил «осечки» Давыдова, он этим и нас всех убережает и ограждает от множества различных ошибок.

Но разве не смел, не энергичен, не честен, не предан всей душой нашей коммунист, рабочий, матрос, двадцатилетнийсчик Давыдов? И смел, и умен, и энергичен, и честен, — а народ еще умнее, коллектив еще зорче, еще дальновиднее, и партия дает силу Давыдову для проодоления «осечек» и слабостей. Не надо ставить сов самого положительного своего героя, не боится показать его и в те часы, и в таких положениях, когда даже внешне во всем его облике проступает что жалкое, когда Давыдов переживает «горькое чувство недовольства собою, злую досаду».

Да, это особые герои, «из каких фасон наружу не просится». Но не обманитесь уж слишком обыденными обстоятельствами, при которых говорит свою большую правду Шолохов, показывая как богатеет душой Давыдов, отважно и упорно решая самые замысловатые жизненные задачи. Внешне то — ничего мудреного: едет в бригаду Давыдов, возвращается в хутор, заглянет в кузню, встретился с секретарем райкома, посмеялся в словесной перепалке с Щукарем, переброситься немножко фразами с Варюхой-горюхой, с бабами... Но из этих будто бы «проходных» страниц мы при желании можем вынимать такие сокровенные вещи и глубокие истины, которые, может быть важнее всего в жизни и в работе.

Опять львовскими впечатлениями разрешу себе перебить, да и подкрепить этот ход мыслей... Представьте себе состояние автора этих строк, когда, насмотревшись на Чижей и горько поразудумав над трагической судьбой Вранык, я вдруг услышал от одного в общем энергичного, знающего, но самоуверенного и несколько поверхностного в отношении к людям областного работника запальчивый ответ на мою реплику о необходимости лучше изучать, кто чем живет, — психологию, жизненный путь, склонности и способности колхозных кадров:

— Нам нужны показатели, а не биографии!

Да, да, именно так это было сказано, так делячески **противопоставлено** одно другому. Мол, это ваше дело, гуманитариев, литераторов, докапываться, какие у кого склонности, «кто—любитель рыбной ловли, кто — охотник», кто что переживал, а нам подавай дело, итоги, процент выполнения. Пусть, мол, писаки расписывают качества, черты, штрихи человека, скажем, того или иного председателя, а мы, мол, больше знайки, чем вы только узнаете людоведы, и нас все это дело привычное... Возгорелся, конечно, спор. Спор настолько жаркий и острый, что третье лицо в этой беседе, любящее, главным образом, ни к чему не обязывающую «словесную поперсуду», в панике начало разнимать спорщиков под тем предлогом, что «вы оба за одну правду власть», и оно, третье лицо, даже не видит, собственно говоря, предмета спора...

Но спор этот, конечно, не потушить, он будет возникать, продолжаться, и с тем большей страстностью, чем серьезней встающие перед нами и хозяйственные, и моральные задачи, и чем нетерпимее для нас и потеря Вранык, и любые человеческие потери, какие мы еще несем, когда недораскрываются таланты людей, когда рядом дремлет или бьет мимо чьято энергия, когда остается под спудом или обрасывается со счетов ниэовой опыт, сметка, «моральный запас» скромного работника, людей, почему-либо остающихся в тени.

Читайте, читайте, ну хотя бы целую главу второй книги «Поднятой целины» — она стоит многих томов, — говорю я сегодня своему оппоненту в споре, — поспешите с Давыдовым в кузню на выучку к Шалому и имейте терпение, желание и мужество до конца отдать себе отчет в том, что стоит за их неторопливой беседой и отнюдь не фразой, совсем не хвастливым убеждением кузнеца в том, что именно он «ответственный работник».

Конечно же, — ответственнейший! И не только потому, что у него, кузнеца, «железное дело в руках». Пригляднемся, как много обнимают мысль и сердце Иннокента Шалого, сколько у него наблюдательности, цепкости, достоинства, рабочей гордости, житейского резона, как внятен он и доступен жизни, как неотступен в достижении цели. Разве только за тем к Шалому идти, только о том его слушать, сколько чего отремонтировано? Нет, тут не отделишь «показателей» от «биографии», не противопоставишь их легко-мысленно.

И как же дорог кузнец читателю, когда именно он изобличает на партийном собрании, становится лицом к лицу с хитрющим и подлющим врагом Остроновым—убийцей собственной матери, бросая ему в лицо:

«Ежели ты, Яков Тихич, не вступаешь в партию, — А. М.), стало быть, мне надо вступать. А вот ежели бы ты нынче подал заявление, то я бы воздержался. Нам с тобой в одной партии не жить! Разных партий мы с тобой люди...»

Шолохов описывает после этого, как растрогал был весь народ единогласным принятием Шалого в партию, как вдруг особенно разительно преобразился секретарь ячейки—«железный» Нагульнов, так что Устин Рыкалин, изумленный неожиданно широкой, открытой, по-детски трогательной улыбкой на обычно аскетически суровом лице Макара, не мог не воскликнуть:

«Гляньте, люди добрые, Макар-то наш похоже что улыбается! Первый раз в жизни вижу такую диковину!..»

Незабываемая сцена! Неловко теснясь и толкаясь, четверо принятых в партию обменивались рукопожатиями со всеми остальными коммунистами, и Нагульнов сначала в полную силу жмет руку Майданникову, называя его «братком», а потом крепко обнимает сутулые плечи старого кузнеца, желая ему стучать молотом на пользу Советской власти «ишо лет сто», так как «от твоего долгожительства кроме приятности для людей ничего не будет, это я тебе верно говорю!».

Поэзией и силой чистого партийного братства веет со страниц этой книги, вот почему так несокрушимы ее моральные позиции. Высокая дружба во имя великой цели, без взаимного прощения ошибок, без слюнявости и елея, и с неисчерпаемым запасом человечности! Перечитываешь страницы, где епишкой Давыдов встречается, спорит, шутит, даже борется в степи с добрым, твердым и проницательным секретарем райкома Нестеренко, и не можешь не признать, что этот сгорающий на твоих глазах большого, идейного человека. Вот слушает Давыдов рассказ секретаря о замечательном донецком шахтере — комиссаре-киноглобе, и тут же получает массу метких хозяйственных указаний, среди которых есть и такое: «На пахоте надо быть дерзким, а в то же время потому что земля любит ровное, ласковое к себе отношение»; вот усваивает серьезнейший урок, направленный против администрирования, против «снимания стружки» с людей, «как будто речь идет не о человеке, а о какомто ржавом куске дерьма», и в то же время убеждается Давыдов: «все дела, какие партия дала нам в руки, исторожны», — и так жизненна, не отвлеченна в книге эта мораль, что ей хочется следовать, нести ее всюду, где еще жизнь не утвердила ее.

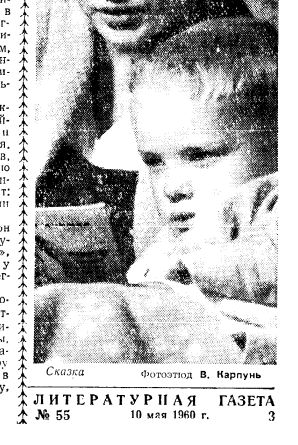
Нет, что ни говорите, вот этой партийной чести — убеждает книга. Точно в цель ложатся шолоховские стрелы, когда, например, некоторые герои его книги сталкиваются с «злишним мужиком, или казацким, или другим традиционно сословно национальным самомнением» и говорят устами Макара Нагульнова:

— Не особенно гордись своим мужчинством и казачеством. Наша партийная честь не в этом заключается... То и мужчинское дело, куда пошлет партия. Скажут мне, допустим: иди, Нагульнов, рубить контрю головы, — с радостью пойду! Скажут: иди подбивать нарутнику, — без радости, но пойду. Скажут: иди в доярки, коров доить, — зубами скрипну, а все равно пойду...

И до Разметнова доходит это, и он в другом случае добродушно критикует себя: «Казак — у него ум назад», честно стремясь не доблеть, чтобы в советского казака ум во всем и всегда был **вперед...**

Художественные аргументы Шолохова в споре за новое моральное богатство людей настолько серьезны, значительны, благородны, привлекательны, что они не могут не разжигать желания в любом литераторе в меру его дарования, своими средствами, в своем жанре — побороться за истину, «схватиться за неравную».

КИЕВ



Сказка Фотоэтюд **В. Карпуна**

15 лет со дня освобождения Чехословакии

ПОСЛЕДНИЙ ВОЕННЫЙ РЕПОРТАЖ

Борис ПОЛЕВОЙ

ЛИТЕРАТОР, путешествующий по западным странам, частенько слышит вопрос:

— Какое из ваших произведений вам больше всего нравится? Каким вы особенно гордитесь?

Нравится — это иное дело, а вот когда меня спрашивают, каким из моих произведений я наиболее горжусь, я называю не романы, не повести, а обычную военную корреспонденцию, напечатанную в «Правде» в мае 1945 года под просьбы, исстаивавшиеся в вице «Освобожденная Прага». Этот репортаж не блещет особыми литературными достоинствами. Он, может быть, даже грубоват и сух. И тем не менее я по-настоящему горжусь этим моим последним военным репортажем.

Но это требует своих и довольно пространных пояснений. И если читатель наберется терпения одолеть эту статью до конца, мне кажется, он согласится, что для такого утверждения есть основания.

В Москве, по всей советской земле, на всех зарубежных фронтах, где воевали советские воины, уже отмечали салюты победы. Земля, которую несколько лет уродовали разрывы снарядов, первую ночь забылась в крепком военном сне, покоренная наступившей, наконец, тишиной. Прошел и тот шумный час, когда в парке баронского замка, недалеко от Вены, где разместился первый эшелон штаба 1-го Украинского фронта, беспорядочно гремели выстрелы. По торжественному случаю обоймы личного оружия были опустошены. Все стихло и, как могло показаться, тоже спало.

Однако под брезентовым навесом еще по-военному затемненной военной рации остро прислушивали сигналы морзянки. Усталый радист судорожно принимал руками наушники. Он был взволнован.

— Опять шпарят открытым текстом, — шептали его губы, а карандаш, судорожно бегая по бумаге, записывал то, что он слышал.

Мы смотрели через плечо радиста на быстро рождавшиеся строчки и узнавали, что из тьмы ночи возбужденный голос, обращаясь к советским солдатам и офицерам, к командованию Советской Армии, воет на помощь: «Мы истекаем кровью, наши силы слабеют с каждым часом. Помогите!»

Это звала повелительная рация, работавшая где-то там, в Праге, население которой, как мы уже знали, восстало против немецких оккупантов и храбро сражалось на баррикадах в разных районах города. Когда рация замолчала, радист сорвал наушники и, требовательно глядя на офицера оперативного отдела, стоявшего у него за спиной, спросил:

— Неужели не удастся им помочь?

Прикмурив брови, полковник смотрел на карту, исчерченную синими и красными знаками. Он ничего не говорил, но чувствовалось, что этот образованный и опытный штабист, которого мы привыкли видеть неизменно спокойным даже в самых острых ситуациях, волнуется.

А ситуация была такова. После подписания капитуляции сильная группировка фашистских войск, состоявшая из свежих, отлично оснащенных и вооруженных эсэсовских моторизованных дивизий, находившихся в Саксонии, не сложила оружия и, прикрывшись сильными арьергардами, начала быстрый отход через горные хребты из Германии в Чехословакию — по направлению движения ее колонн, что отступали к Праге. И наши разведчики, и немецкие антифашисты, переходившие к нам добровольно, в один голос уверяли, что командующий этой группой намерен пробиться в столицу Чехословакии, соединиться там с нацистским гарнизоном и завязать длительные уличные бои. Расчет был прост: русские пожалеют прекрасный город, и, прикрываясь сокровищами его древней архитектуры, наемники будут отсиживаться. Положение осложнялось тем, что жители Праги, ободренные победами советских войск, смело восстали против оккупантов. Рабочие, служащие, люди интеллигентных профессий, сильные лишь своим свободолюбивым духом, они захватили в городе ряд ключевых позиций и храбро бились против хорошо вооруженного врага, и голос их рации разносился сейчас в ночи, призывая на помощь.

Этот призыв уже нашел отклик у советского народа. По приказу ставки, танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко, прославленного в Германии, получили приказ развернуться фронтом на юг, ринуться в новое наступление, настичь части неприятеля на горных дорогах, вклиниться в них, пробить бреши и, оставив непокорные вражеские дивизии в тылу, форсированным маршем продолжить путь на Прагу с тем, чтобы при подходе фашистских войск прикрыть столицу Чехословакии стальным щитом.

Много удивительного, не описанного и даже не предусмотренного военной наукой, довелось совершать Советской Армии в войне, которая только что окончилась. Но подобных маршей ночью по узким, не разведанным горным дорогам, каждый поворот которых мог быть легко превращен опытным и отчаянным противником в укрепленный район, даже таким полководцам, как Рыбалко и Лелюшенко, совершать не доводилось.

И вот теперь, лежа на траве перед оперативной картой, мой старый друг полковник с надеждой смотрел на красные ромбики, которые, согласно последним радидонесениям, уже довольно глубоко вонзились в серую штриховку гор.

— Если это удастся, будет чудо! — сказал он. — Не мистическое, разумеется, а чудо военного искусства, — и повернувшись ко мне, добавил: — Вот что вам стоит описать!

Описать! Дать последний репортаж о последней славной битве этой уже для всех окончившейся войны. Рассказать о небывалом прыжке советских танкистов через высокие горы. У меня просто дух захватило от такой мысли, и почти всю ночь я бродил от одного штабиста к другому, выпрашивая самолет. Старые боевые товарищи смеялись — зачем, война кончилась, лучше выпьем за победу — и тащили к столу. Только командующий фронтом маршал И. С. Конев сумел понять до конца корреспондентскую душу, покачал головой, подумал, но тут же один из лучших летчиков связной эскадрильи, получив приказ о максимальной осторожности, предусмотрительности и прочем таком, чего в военных условиях соблюдать никогда не удавалось, был откомандирован для полета в Прагу, куда, по расчетам штаба, к утру должна была подойти танковая разведка одной или другой армии, наступавших по разным маршрутам.

Ночь еще лишь начинала сдавать дела утру, когда маленький стрекозоподобный самолет оторвался от аэродрома, серого от росы. Он набрал максимальную для себя высоту и по прямой, которую еще на земле штурман эскадрильи начертил на карте, взял курс на Прагу. Вершины лохматых, поросших лесом гор уже золотели под нами, когда на серых жилках дорог стали видны первые машины, двигавшиеся в том же направлении. Кто это? Наши или враги? Суета, возникавшая при приближении самолета, ответила на этот вопрос: враги. Но нас никто не стрелял. Колонны продолжали движение. Они становились все гуще, и дороги напоминали сверху муравьиные тропы, по которым цепочками бежали насекомые. Летчик сбросил высоту. Теперь можно было уже различить и цвет мундиров отступавших: серые — мотопехотинцев, пестрые маскировочные халаты — альпийских стрелков. Неприятель! А где же наши? Когда горы стали мельчать, переходить в холмы, в равнину, дороги опустели. Где же наши? Почувствовав полную безопасность, летчик перешел на бреющий, и на асфальте мы увидели руоцы, оставленные шпорами танковых гусениц. Но машин нигде не было, а ведь гусеницы неприятеля оставляли такие же следы. Так мы летели уже третий час, и когда солнце поднялось выше, здание обозначились стрельчатые шпили башен большого города. Летчик взволнованно обернулся, и по шевелению его губ я понял — он говорит: Прага.

По карте мы знали, что аэродром занято в стороне от города. Нам оставалось найти площадку поближе или опуститься в самом городе. И вот она уже плывет под нами, красавица Прага, по которую мы узнали издали, ибо чудесная чешская литература еще до войны сумела привить нам любовь к этому удивительному городу. Сразу же можно было понять, что здесь еще идут бои. У реки то и дело красновато поблескивали орудийные выстрелы. Дымы пожарищ — то легкие и прозрачные, то сливавшиеся в тяжелые грустки — заволакивали целые районы. Там, видимо, шел крепкий бой. И все-таки на улицах была масса народу, и сверху легко различались сине-бело-красные национальные флаги. Было ясно, что эти улицы — в руках повстанцев. Где-то здесь и надо садиться. Тут мы заметили, что на наша скромная, сменная, похожая на стрекозу машина вызывает у людей на улицах удивительно горячую радость. Видно, как машут руками, флагами, видно, что-то даже пытаются кричать, запрокинув головы. Обстановка прояснилась.

Пишу летчику: «Ищи посадку». Он кивает головой. Машина скользит чуть не по самым крышам, осторожно обходя места, где видны дымы бои. От реки к ней потянулись несколько легких дымовых трасс. В стороне будто бы раскрылись хлопковые коробочки, выпустив грустки белого дыма... А у окраины мы увидели танки, быстро двигавшиеся по улицам к предместьям. Чьи? Да наши, наши же, конечно! Вон как их приветствует толпа, как дождем летят цветы на их гусеницы! «Садись же», — снова пишу летчику. Он кивает головой в сторону какого-то стадиона, что за рекой. Неужели он хочет сесть на стадионе? Разве кто-нибудь когда-нибудь сажал самолет на футбольном поле? Северный холодок заползает в душу. Но война уже кончилась. Но думать об этом поздно. Летчик убрал газ. Стало тихо. Машина, косо планируя, идет на посадку, и зеленое поле будто прыгает ей навстречу. Колеса уже бегут по траве, слава богу, и в эту минуту — трах! Ничего особенного не произошло, просто винт в последнее мгновение уперся в ограждающий барьер и сломался в щепки.

Но думать об этом не приходится. Множество каких-то людей бежит через стадион — мужчины в песочного цвета комбинезонах с оружием в руках, мужчины в обычной одежде и без оружия, женщины, дети. Здесь, в районе Страгова стадиона, мы оказались первыми людьми в форме Советской Армии. И все чувства, которые накопили пражане, слушая по радио сводки о подвигах Советской Армии, все надежды, которые они возлагали на нее, посылая призывы о помощи, все нетерпение, с которым они ждали эту помощь, — все эти чувства как бы разрядились на нас, двух советских офицерах, в буквальном смысле свалившихся им с неба на головы. Рукоплескания, объятия, поцелуи, крики, слезы... Люди в комбинезонах, оказавшиеся поблизости, выстроили у самолета караул. Толпа подхватила нас и понесла на руках...

Мне уже доводилось в дни войны встречаться с гражданами этой чудесной страны. Я видел подвиг чехословацкого корпуса на Дукельском перевале, где в часы этой героической кровопролитной битвы советские солдаты еще раз убедились в храбрости и беззаветном патриотизме своих соратников — чехословацких воинов. Долгие трудные недели провел я среди повстанцев Словакии в дни восстания, наблюдал героическое его развертывание и трагический конец. Но тут, в Праге, в это майское утро, пахнущее молодыми листьями распускающихся лип и гарью пожара, перед нами, советскими людьми, как бы открылась сама душа старого и вечно юного города — прекрасная, жизнерадостная душа, переживающая первые часы обретаемой свободы. И все тепло, скопившееся в этой душе, она теперь обратила к советским воинам, пробившимся через горы для спасения Праги, и даже вот на нас, простых и, в сущности, случайно оказавшихся здесь советских солдат.

— Ать жие Руда Армада!.. Ать жие Совтски Связ! — гремело со всех сторон.

Наши танки, мокнатые от пыли, уже вошли в город. Над ними поднималось студенистое марево, подобное тому, какое стоит над полями в погожий вешний день. Лица бойцов от пыли казались замшевыми. Лишь глаза да зубы белели на них. Но девушки, одетые в светлые платья, подавали восхищенно, бесстрашно целовали бойцов. Ребятишки смело карабкались на еще теплую броню боевых машин. Помнится, один тяжелый танк, отстав от колонны, застрял почему-то на Вацлавской площади. Огромный танк, стальные бока которого хранили вмятины и шрамы многих битв, но и на эту видавшую виды огромную машину люди обращали свою нежность. Гусеницы танка украсили ветками липы. Кто-то ухитрился надеть венок из цветов на ствол грозной пушки. Какие-то женщины кормили бойцов пирогами и иной домашней снедью, подобрав бронзовой салфеткой. Худенький, почтенного вида старичок, у которого карманы оказались набитыми хрустальными стаканчиками, из большой бутыли наливал домашнюю сливовицу и угощал экипаж. Дюжий механик, отводя огромной рукой соблазнительный стаканчик, басил:

— Та не можу, не можу я, я, папаша! Спасибо. Данке. Мерси, понимаешь? А я не можу, потому при службе.

На Староместской площади еще дымились развалины древней ратуши, подожженной оккупантами в бессильном и злобном бешенстве. Вереница апостолов, вот уже несколько столетий совершавшая свой путь по циферблату старинных часов, остановилась. Мстительная злоба фашистов уничтожила и уникальные часы. Нам сказали, что штаб восстания находится в подвале под сохранившимся крыном ратуши. Но там никого уже не было. Только россыпи пистолетных гильз да обрывки окровавленных бинтов на полу говорили о том, что и здесь было горячо.

Мне еще предстояло рассказать читателям «Правды» о радующейся освобождению, ликующей Праге. Как быть? И тогда один из наших чешских провожатых повел летчика и меня к зданию Пражского радио. В подвале под этим зданием, оказывается, и было место, откуда повстанцы открытым текстом посылали призывы о помощи. Усталые, небритые, едва державшиеся на ногах люди проверили наши документы, прослушали наши разъяснения, посовещались, и потом один из них, хромой человек с автоматом, оказавшийся сыном известного русского писателя-эмигранта, подошел к аппаратам и вошел в контакт с фронтовой рацией.

— Передавайте, — сказал он и почему-то добавил: — И да поможет вам бог.

В руках не было и клочка бумаги. За все путешествие по Праге я ни разу не вынул из кармана карандаш. Но впечатлений было столько, и это были такие впечатления, что я единым духом ухитрился продиктовать репортаж обо всем том великом, необычайном, радостном, свидетелем чего стал в освобожденной Праге. Я говорил в пустой комнате, не очень веря, что где-то все это будет принято, записано, доставлено в редакцию. Но в этот день, когда советские танкисты совершили чудо спасения Праги, все казалось возможным. И действительно, корреспонденция была записана, доставлена в редакцию и появилась в газете.

Так был написан мой последний репортаж второй мировой войны, тот, которым я горжусь не меньше, чем любой из своих книг.

Советский человек добыл счастье нашим детям. Фото И. Гоудек

Снимки из юбилейного альбома «На вечные времена», выпущенного в Праге и посвященного годовщине освобождения Чехословакии Советской Армией.

СТОИМ РЯДОМ, С ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Норберт ФРИД, чехословацкий писатель

ПЯТНАДЦАТЬ лет — это много. Но сорок три года — это, разумеется, гораздо больше. Пятнадцать лет Чехословакия росла и развивалась под теплыми лучами вашего, советского опыта, которому скоро будет сорок три года, и поэтому так хороши результаты.

Я принадлежу к поколению коммунистов довоенного призыва. Мы не знали недостатка в оптимизме, недостатка веры в реальность наших идей, но все-таки я должен сказать, что самые смелые из нас с восхищением оглядываются теперь на пройденный путь. Только не заподозрите меня в пшеллании — это признание скорее говорит о глубоком волнении, которое охватывает нас при мысли о том, что нам посчастливилось дожить до этих времен. Значит, мы и вправду не ленились, значит, нам не приходится упрекать себя за то, что мы многое упустили или совершили слишком много ошибок. Но в моих словах о том, что нам посчастливилось дожить до таких времен, вы, наверное, чувствуете и нечто иное, помимо дешевого самоуспокоения. В этих словах звучит наша благодарность судьбе — разумеется, не в благодарность, которую испытывают к богу религиозные люди. Это благодарность людей, которые уже достаточно прожили на свете и понимают, сколь сложна взаимосвязь всех явлений, понимают, что ни одиночки, ни разрозненные группы — пусть даже отважные — не могут добиться успеха, если их усилия идут вразрез с чаяниями и усилиями других людей, вразрез с общими стремлениями и тенденциями.

Поэтому так велика благодарность чехословацкого народа народу Советской страны. Мы прекрасно понимаем, что сам по себе факт существования нашего государства оказал решающее влияние на судьбы народов Европы и, тем более, нашего народа, занимающего прочное место в вашем сердце и напущего близ наших границ. Для меня ваше доброе ощущать каждому человеку — и другу, и недругу; однако мы, друзья, больше всех благодарны вам за братскую помощь. Ленин был и нашим учителем. Начиная с 1917 года вы указывали нам практический революционный путь. В трагический период диктатуры нашего народа, в годы нацистской оккупации, мы были нашей главной надеждой. Я ждал вас в концентрационном лагере. Я знаю, как ждали вас другие люди.

Вы пришли вовремя. Ликование освобожденной Праги показывало: вас любили все без исключения. Все, а не только старые товарищи из нашего революционного авангарда. Реакция собралась с силами позднее. Сегодня мы можем сказать: собралась с силами слишком поздно.

В мае 1945 года началась новая жизнь, счастливое пятнадцатилетие которой мы теперь празднуем. Мы превратили ваши танки в памятники; мы стояли, погруженные в глубокую скорбь над могилами павших; мы целовали солдат, когда разлучались с вашей героической армией, возвращавшейся на Родину. Одновременно мы приступили к осуществлению Košицкой программы, которую правительство Готвальда назвало «дорогой с Востока».

Программа эта создана чехами и словаками, коммунистами и членами других партий, но она не могла бы появиться, не будь на свете вас, советские товарищи. Путь, пройденный вами после Октября, ваша решающая роль в разгроме фашизма, ваша клятва поддерживать нас всегда и во всем — это теплое дыхание, дающее жизнь первому манифесту свободной Чехословакии.

Спустя год, в мае 1946 года, у нас происходили первые свободные выборы. Никто уже не мог сомневаться, что коммунисты стали ведущей силой государства. 2 января 1947 года товарищ Готвальд от имени Национального фронта возвестил о двухлетнем плане. Речь шла прежде всего о том, чтобы поднять чехословацкую промышленность до довоенного высокого довоенного уровня. Задача по тому времени очень смелая. Выполнение плана шло успешно. Реакция поняла, что в случае успешного завершения этого плана декрет о национализации и все остальные мероприятия народа, направленные к построению социализма, будут закреплены навеки. Поэтому в феврале 1948 года реакционная фракция в правительстве прибегла к отчаянному шагу — попыталась вызвать правительственный кризис. Но ей был нанесен удар, от которого она уже не оправилась.

Не колебались мы и в те минуты, когда реакция переходила к наступлению и в других странах. Единство и сплоченность чехословацкого народа казались западным наблюдателям «загадочными», даже «странными»; они создали немало легенд о таинственном влиянии советских агентов, облаченных в чехословацкие мундиры. Они клеветали на нас, обливали нас грязью. А меж тем было так просто прийти и увидеть: то, что происходило, то, что и ныне происходит в Чехословакии, отнюдь не загадочно. Все, что здесь растет, — растет естественно, логически, питается соками старых, здоровых корней. Листок появляется за листком, потом наступает цветение, потом созревают плоды. Мы не перескакиваем через этапы, мы ничего не регулируем. То, что привито мудрыми садовниками, принялось. Наши заводы — не бутафория, наши люди работают и широко пользуются плодами своих трудов. Гостю пришлось бы убедиться в этом на каждом шагу. Мы не карлики на ходулях; мы не больше, но и не меньше, чем это кажется.

Очень хорошо показал демократичность нашего народа Гашек — самый типичный представитель демократичной чешской литературы. Но не только он писал в нашей стране о народе и для народа. Точно такие же задачи ставили перед собой Гавличек-Боровский и Немцова, Неруда и Ольбрахт: обращаться непосредственно к массам. Никогда ни одному писателю, достойному этого имени, не приходилось «опускаться» до народа: у нас никогда не имел хождения лозунг «Для народа, но без народа». Наш народ стоял на уровне своих писателей, которых так жадно читал.

У нас вообще читают с жадностью и требуют все больше и больше книг. Разрешите и этот факт с гордостью отметить в день нашего праздника. Ведь то, что Чехословакия издает книги в тиражах, которые не идут ни в какое сравнение с численностью населения (если придерживаться пропорций, обычных для наиболее развитых стран Запада), — это является не только показателем материального благосостояния и всеобщей грамотности. Жителей в США насчитывается в тринадцать раз больше, чем у нас; стотысячный тираж американского бестселлера, с точки зрения тех же пропорций, должен рассматриваться чешским издателем, как книжка средней руки. Десять тысяч экземпляров — это обычный тираж чешских романов. А бестселлеры у нас начинаются, как и в США (наперекор всем пропорциям), с тиража свыше пятидесяти тысяч.

Кстати, я тут упомянул о материальном благосостоянии и о всеобщей грамотности там, будто это само собой разумеющиеся вещи. Но разве этот факт на самом деле не такая же чудесная вещь, как и аппетиты наших читателей? Хотите, я расскажу вам, с чем мне довелось встречаться во время моих путешествий по странам, которые нас так концентренно критикуют?..

Впрочем, нет, лучше уж будем придерживаться праздничного тона и сосредоточим все наше внимание на Чехословакии. Я хотел бы сказать еще одно слово: чехословацкий народ трудолюбив и безгранично терпелив — ведь все эти чудеса, о которых шла речь, не упали сами собой с неба.

Мы готовимся на будущий год отметить сорокалетие нашей Коммунистической партии. Это были сорок лет мужественной борьбы, освященной подвигами героев — Фучика и множества других, таких же верных сынов. Муки оккупации, уничтожение целых деревень, как Лидице, загубленные жизни тысяч еврейских детей, ужасы войны, стойкое сопротивление, героическое восстание словаков и пражан — вот цена, которую уплатили наши народы, чтобы пятнадцать лет тому назад начать снова и лучше.

И стоит сегодня Чехословацкая Республика, уверенная и могучая. Она намечает небывалые планы строительства, выполняет их и дает на грандиозных выставках всему миру доказательства своего могущества. При этом здоровье людей у нас все улучшается, жизнь все удлиняется, детская смертность является одной из самых низких в мире. Труд ученых, писателей, музыкантов, кинематографистов, кукольников Чехословакии известен далеко за нашими границами точно так же, как искусство монтажников и инженеров, которые способствуют распространению нашей передовой техники повсюду, где на нее имеется спрос.

Культурные интересы у нас на родине не исчерпываются чтением. Телевизор постепенно становится такой же само собой разумеющейся частью домашней обстановки, какой давно уже стало радио. Толпы людей устремляются в кино и на вечера; весь народ готовится к спортивным упражнениям и танцам на июньской спартакиаде, этом подлинном празднике миллионов.

Все, что делается у нас, намечается и претворяется в жизнь людьми с острым умом и прилежными руками, людьми, которые являются вашими друзьями. Сейчас они обсуждают новую Конституцию, которая должна облегчить им путь к коммунизму, должна еще больше приблизить их к вам.

Мы никогда не забудем вашу помощь, советские друзья! Мы не подведем вас! Мы никогда не думали о том, чтобы извлечь какую-то выгоду из великого соревнования сил мира с лагерем его противников. Мы стоим рядом — с открытой душой и честными намерениями.

За мирное сосуществование народов, за счастливую будущность, за коммунизм — на вечные времена!

ПРАГА, 9 мая. (По телеграфу)

За свободу Чехословакии. Фото Т. Гонта

Ян КОСТРА

БРАТИСЛАВСКАЯ ВЕСНА

Какая то была весна! Мы не забудем —
Со взрывами она вошла в цветущий сад,
Душила пыль фиалок аромат,
Но, смерть отринув, пробуждались люди.

На русской речи звук шли, как идут на свет,
Шли, попирая тьму, и вышли, и у дома
Увидели солдат им незнакомых,
Стиравших с мостовой зимы последний след.

Благоухал цветник, и все слабей ненастьем
Из глубины веков на нас дышали льды.
Еще стальной оркестр гремел на все лады,
Но жаворонка трель звенела в небе ясном.

Перевел Н. РАЗГОВОРОВ

Мирослав ФЛОРИАН

СОВЕТСКИЕ БОЙЦЫ

Пахло пылью и пахло бензином,
Когда в нашем пришли их войска,
И над Влтавою дождь соловьиный
Был пропитан дымком табака.

Воздух будто бы током заряжен.
(Ах, вдохнуть бы его еще раз!)
И зеленая липа над кряжем —
Точно облако взрыбли фугас.

Они пахли бензином и пылью,
Но, кровавую пряжку сорвав,
Словно песенник счастья, — открыли
Нашу родину в зарницах трав!

Перевел В. СТЕПАНОВ

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 3-99-33, искусств — Б 1-11-69, литературы народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 3-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02410